ОСТАТЬСЯ ВЕРНЫМ СЕБЕ

В театральный институт его не приняли. Сейчас В. Кузин объясняет этот печальный факт тем, что, по мнению приемной комиссии, он играл не действие, а свое отношение к нему. За давностью лет истину восстановить трудно, но вполне возможно, что так и было.

...Актером он все равно стал. Ушел из Университета, где учился на химфаке, уехал в Новосибирск — работать в тамошнем ТЮЗе. Спустя несколько лет в Пскове и Петрозаводске сыграл Варравина в «Смерти Тарелкина», председателя укома в «Шторме», немого Семена в «Ярости», Аристода в «Королевском брадобрее».

Два года назад Валерий Кузин впервые вышел на сцену Ленинградского областного Малого драматического театра. И уже его дебют в спектакле «В 12, где всегда», поставленном по пьесе З. Журавлевой режиссером Ю. Дворкиным, выяснил главное: игра В. Кузина не для тех, кто пришел в театр отдохнуть от забот, она — беспокоит.

Борис Васильевич — так звали героя артиста, инженера со слюдяной фабрики, — не умеет быть первым в очереди за счастьем — ведь для этого нужно хотя бы на минуту забыть обо всем, кроме себя и этой минуты. Он не умеет и забывать — все, что было вчера и десять лет назад, и двадцать, — для него было сегодня. Время ничего не стирает из памяти, не сглаживает конфликтов, не лечит. В. Кузин сыграл не просто хорошего человека, прекрасного инженера, но человека, который незаметно (не делая вроде бы ничего для того) вошел в жизнь многих людей, стал им нужен, необходим. Такие, как он, — «соль земли, а что земля без соли?» — не дают нам застыть в состоянии успокоенности, равновесия.

У В. Кузина — свой, особый способ существования на сцене. Ему не нужно скрываться за грим и парик, чтобы создавать образы, порой прямо противоположные. Иногда кажется, что он переходит из спектакля в спектакль в одном и том же костюме.

Минуя бытовые подробности и внешние приметы эпохи, актер выстраивает систему отношений образа — к миру, к себе. Чувства и поступки — лишь ее следствие. Система эта — каждый раз иная, но точка отсчета — неизменна. Она — его, Валерия Кузина, собственная. Самые разные роли отчетливо объединены личностью актера, его отношением к ним, его мыслью.

Обладая даром сценического анализа, артист вскрывает духовную биографию своих героев — не то, где они родились, выросли, но их путь к сегодняшним убеждениям, мыслям, поступкам.

...Наверное, в молодости пастор Мандерс из «Привидений» Г. Ибсена умел чувствовать сильно и страстно, но сумел и смирить свои чувства во имя высоких и столь же страстно чтимых идеалов.

Вера давно исчезла вслед за чувствами, и теперь Мандерс спасается только убеждением, что идеалы необходимы для сохранения существующего порядка. Его давно не удивляют еретические мысли о ложности общепринятой морали, но неужели, думает пастор, люди не понимают, что если все начнут говорить то, что думают, то мир будет ввергнут в хаос беззакония и беспорядка? В Мандерсе В. Кузина есть нечто кошачье — мягкость повадки, улыбчивый прищур глаз — и вдруг — сталь прыжка, сверкнувшие когти — и опять добродушная вкрадчивость.

Для Ю. Дворкина, ставившего этот спектакль, важнее драматических перипетий было идейное столкновение героев, их непримиримых нравственных позиций. Валерий Кузин убедительно сыграл преданность своего героя идее, подкрепив позицию духовной биографией человека, умертвившего в себе все естественное.

Встреча актера и режиссера оказалась плодотворной дважды. Наверно, в этом есть закономерность. Ю. Дворкин ищет драматизм в напряженной статике, предпочитает развитию и изменению характеров их выявление в открытом конфликте идей. Для его спектаклей важна способность В. Кузина к глубокому анализу.

В сутолоке актерских будней, когда сегодня играешь в спектакле режиссера, ищущего новые выразительные средства, а завтра в непритязательной комедии, не блещущей интересными постановочными решениями, когда вечером в театре Г. Ибсен или А. Островский, а днем на телевидении надо сыграть страдающего «шерлокхолмсовской» манией маляра на пенсии (есть такой «глубокомысленный» персонаж в пьесе М. Смирновой и М. Крайндель «У себя в плену»), трудно оставаться верным себе. Но для Кузина еще трудней — изменить себе. Иногда — как в роли маляра — он не скрывает своего иронического отношения к «драматургическому материалу», а иногда своим существованием на сцене меняет градус происходящего.

Наверно, если бы не его Жозеф, смысл спектакля «Мужчины в воскресенье» (пьесу Ж. Ронкорони поставил заслуженный деятель искусств РСФСР Д. Карасик) ограничился бы непритязательной историей о женской мудрости, одерживающей победу над наивной склонностью мужчин к романтике.

Жозеф — бывший бродячий торговец. Под нажимом жены он давно осел в захолустном городишке на юге Франции. Каждое воскресенье он мечтает удрать отсюда и каждый понедельник просыпается здесь же. Поначалу он очень смешон: дешевая фуфайка, рваные спортивные туфли, вытянутая жилистая шея, уже начинающая грузнеть фигура и неуверенно-суетливые движения — смесь мальчишеской прыти и азарта с признаками неуклонно надвигающейся старости. Но по мере того, как на наших глазах он проходит все стадии крушения своей надежды на побег, мы понимаем, что жена Жозефа одерживает в это воскресенье победу над мужем дорогой ценой, уничтожив его самого.

Выходя за границы жанра, В. Кузин играет историю о Дон Кихоте, в котором, пытаясь излечить его от бредней, убивают душу. Жизнерадостный мир вокруг героя оборачивается жестоким миром мещанского практицизма.

Рассказать можно было бы еще о многом — за два года работы в Ленинграде Валерий Кузин сыграл немало ролей и в театре, и на телевидении: умеющего добиваться любой поставленной цели Великатова в «Талантах и поклонниках», инженера Грубского в «Далеко от Москвы», хитроумного виконта Болингброка в «Стакане воды»...

Глядя на его работы, думаешь о бесперспективности споров: что современней — перевоплощение или самовыражение? У настоящего современного актера одна отличительная черта: «играть — для него лишь производное от понятия „жить"».

Т. ЖАКОВСКАЯ,
театровед

Забавной и жизнерадостной комедией венгерского драматурга М. Дьярфаша «Проснись и пой!» начал свои выступления в нашем городе Московский гастрольный театр комедии.

Немудреную историю о том, как шофер значительного лица Пишта Орбок (артист Е. Тарханов) долгое время видел в себе идеал справедливости и морали и лишь на склоне лет сумел понять, что это далеко не так и что весь окружающий его мир намного богаче, ярче того мира, что выстроил он себе, поставил заслуженный деятель искусств Венгерской Народной Республики Ференц Сечи. Есть в этом мире и заботящаяся, любящая жена (Д. Солдатова), и непокорный сын Дьюла (Г. Чулков), и экстравагантная, сохранившая редкую жизнедеятельную силу в свои семьдесят лет тетя Тони (Н. Сергеева), и Карола (Г. Черкасова) — та самая девушка, чье появление заставило Пишту по-новому взглянуть на все, что вокруг.

Остается только добавить, что музыка — а в спектакле ее много — написана композитором Г. Гладковым; танцы поставил Б. Сичкин, хорошо известный зрителям как исполнитель роли Бубы Касторского в «Приключениях неуловимых».

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля.
Фото **В. ТУРОВЕРОВА**

8 СЕН 1971
„ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД"
г. Ленинград
310